

АЛИНА ОСОКИНА

ТАМ, ГДЕ НЕТ ВОЙНЫ

ПОВЕСТЬ

Август вытекал по трубам остатками воды. Август грохотал бьющими по городу орудиями. Август польхал тысячей взметнувшихся к небу пожаров, заглядывал в чёрные квадраты пустых окон, прятался в подвалах от обстрелов. Август перевязывал раненых и закрывал глаза убитым, выжигал зноем последние краски лета. Август ждал, что скоро всё кончится, но всё только начиналось.

Марта подошла к окну. Хотелось, как раньше, забраться на подоконник и долго рассматривать улицу. Но теперь находиться возле окна было опасно. С раннего утра раздавались глухие взрывы, стёкла дребезжали так, словно хотели выскользнуть из оконных рам и разбиться. Двор походил на рассыпанные части большого пазла, который было уже не собрать.

Девочка украдкой взглянула на улицу. Ни машин, ни людей, только опустевшие, безжизненные дома и воронка от шального снаряда посреди детской площадки.

Война ворвалась внезапно и яростно. Весной запольхали окраины юной республики; тогда ещё теплилась вера, что кто-то сверху подует — и огонь вмиг погаснет. Но сверху только сыпали сухую траву, и пожар разгорался с новой силой. Война оставляла огненные следы, накрывая чёрным платком то одно селение, то другое.

ОСОКИНА Алина Андреевна родилась в 1991 году в Ульяновске. Окончила исторический факультет УлГПУ имени И. Н. Ульянова. Работает в областной научной библиотеке. Член Союза писателей России. Публиковалась в журналах "Сибирские огни", "Подъём", "Русское эхо", "Север", "Молодёжная волна", "Симбирск" и других. Лауреат конкурса молодых литераторов Союзного государства "Мост дружбы", Всероссийских конкурсов "Хрустальный родник", "Сестра таланта", "Северная звезда", "Стилисты добра", областной премии "Первая роса". Живёт в Ульяновске.

Летом война вплотную приблизилась к городу. Она швыряла снаряды без разбора в дома и больницы, в школы и рынки, в троллейбусы и подстанции.

Марта вернулась к письменному столу. Она перебрала прошлогодние учебники и тетради. Всё это было ненужно и годилось разве что для костра. Марта подумала, что если и правда придётся что-то жечь, то первой в огонь полетит нелюбимая геометрия, потом физика. А вот литературу с карандашными рисунками на полях было жалко. И дневник с сенбернарром на обложке тоже.

До первого сентября оставалось чуть больше недели. Каждый год Марта с мамой в это время бегали по магазинам в поисках тетрадей, учебников и прочих школьных принадлежностей. Прошлым летом Марта сильно вытянулась, пришлось срочно покупать новую форму, туфли и белую блузку. Всё это висело в шкафу, готовое по первому зову выпорхнуть на волю.

Школа стояла целая и невредимая, как заговорённая. Только возвращаться в неё было некому. Как только началась война, людские реки потекли в разные стороны. Кто-то бежал в сторону столицы их прежнего государства, кто-то ехал в большую соседнюю страну, способную укрыть и защитить. Юная республика теряла граждан, как осенний лес — листву. До осени тогда ещё было далеко, а до войны — близко.

Из класса Марты в городе остался только очкарик Гришка с первого этажа. Его отец с первых дней войны ушёл в ополчение, а мама работала на “скорой”. Они и не думали никуда уезжать. Другие тоже не думали, но уезжали. Дом стремительно пустел. То одни, то другие соседи собирали всё, что могли, и бежали. К середине августа в подъезде остались только четыре семьи: Гришка с мамой, старики Никоненко, водитель Толик с женой Верой и Марта с мамой и бабушкой.

Бабушка лежала в соседней комнате парализованная. Беспомощная, как младенец. Марта заглядывала к ней, проверяя, всё ли в порядке. Если бабушка моргала один раз — это означало “да”, если два — “нет”. Понимала ли бабушка, что творится в огромном мире за её окном, никто не знал. Но Марта с мамой убеждали её в том, что всё хорошо.

Марта взяла с письменного стола блокнот и карандаш и забралась с ногами на диван. На белоснежном листе она выводила линии, которые скоро превратились в рисунок. Лошадь с торчащим изоба рогом встала на дыбы, готовая мчаться куда глаза глядят. Марта отложила блокнот, чтобы взять краски, но тут же вспомнила, что дома нет ни капли воды. Она взглянула на часы. Мама ушла за водой два часа назад и ещё не возвращалась. То ли воду не привезли, то ли очередь слишком большая. Марта снова подошла к окну. На улице было тихо. Если закрыть глаза, можно подумать, что никакой войны и нет.

Очередь тянулась к машине с водой длинной сороконожкой.

— Сейчас самое время укропам пальнуть, такая хорошая мишень, — доносилось из очереди.

— Типун тебе на язык! — раздалось в ответ.

— А у меня соседа на прошлой неделе осколком задело, ногу раздробило. Ладно живой остался, — подхватил разговор кто-то третий.

— А у меня соседка в тамбуре вторую неделю спит — боится.

Сказал бы кто полгода назад, что эти разговоры станут такими же обычными, как беседы о погоде, никто бы не поверил.

Ольга липкими от пота ладонями сжимала две пятилитровые бутылки, пыталась сосчитать, сколько ещё человек перед ней, но сбивалась. Считать заново не хотелось. Последние силы забрало палящее солнце и бессонная ночь. Ещё и разговоры эти о войне, об обстрелах... Хотя о чём ещё?

— Вытравить нас из города хотят, сволочи. Всех не перетравишь! — сказал кто-то.

— Правильно! — подхватили остальные.

Когда стало понятно, что война неизбежна, люди начали массово покидать город. Сначала одни соседи принесли Ольге ключи, потом другие попросили присмотреть за квартирой. Как будто были уверены, что она-то уж

точно никуда не денется. Дома лежащая мать, родни нет, денег тоже. Куда ей ехать?

Она наблюдала из окна, как соседи по лестничной клетке грузили в машину чемоданы, корзины, коробки и мешки. Что не лезло внутрь, крепилось к багажнику. Тогда мелькнула шальная мысль: попросить, чтобы взяли Марту. Соседи же, почти родня, у самих двое детей. Но что-то остановило. То ли испугалась навсегда расстаться с дочерью, то ли побоялась, что откажут. Даже старую овчарку с собой не взяли: видимо, места не хватило. Сначала собака металась по двору и протяжно выла, а потом исчезла. Может, кто приютил. Ольга и сама бы взяла, да чем её кормить? Самим бы ноги не протянуть...

Зарплаты и пенсии не платили уже несколько месяцев, продукты в магазинах заканчивались с той же скоростью, с какой летели снаряды. Спасали оставшиеся с зимы заготовки и запасы круп. Марта всегда спрашивала, зачем делать столько припасов, всё же есть в магазине, пошёл да купил. Теперь не купишь.

Им с Мартой много и не надо — так, поклевать раз в день что придётся. Куда больше беспокоила мать. Лекарства, салфетки — всего этого не достать, даже воды, чтобы умыться и приготовить суп, не было.

Наконец, подошла её очередь. Ольга подставила бутылки, и те вмиг наполнились водой. Хотелось сразу же отхлебнуть, но женщина только смочила высохшие губы и понесла драгоценные ёмкости домой. Если бы кто-то сказал полгода назад, что такие простые вещи, как вода, еда и электричество, будут цениться превыше всего, не поверила бы.

Ольга уже подходила к дому, как услышала оглушительный свист и взрыв за спиной. Она заметалась.

— Ложись, дура! — раздался мужской голос.

Ольга плашмя рухнула на асфальт, не выпуская из рук бутылки. Больше всего сейчас она боялась, что осколки пробьют пластик, и вода потечёт по горячему асфальту.

Стало тихо. Ольга осторожно оторвала голову от асфальта, прислушалась, затем осторожно поднялась. Руки и ноги горели от ссадин, но главное — бутылки с водой были целы.

Женщина обернулась и увидела, как полыхает балкон первого этажа. Несколько мужчин с полными ведрами воды бросились тушить. Столько воды, нужной городу, слизывали языки пламени. Пожар догорал, а Ольга так и стояла посреди улицы, сжимая бутылки.

Майские дни выдалась тёплыми и светлыми. Яна с Максом наконец-то смогли вырваться из вечно суетящейся Москвы на берег озера. Макс — крупный, с аккуратно подстриженной бородой, в чёрной толстовке с логотипом компании на спине — разжигал огонь в мангале. А маленькая, как воробышек, Яна подкидывала тонкими пальцами сухие веточки в костёр. Ей так хотелось прижаться к своему пропахшему дымом богатырю, уткнуться носом в его грудь и забыть о работе, о дедлайнах, о новостях, жужжащих, как назойливые мухи.

— Янка, погоди, — сказал Макс, едва девушка дотронулась до него. — Дай мясо сначала пожарю.

Яна отошла на несколько шагов назад. Макс достал решётку и, выложив на неё маринованное мясо, стал готовить шашлык. Яна знала, что её мужчина не любит суеты, спонтанности. Сначала — дело, а потом всё остальное. Поэтому она не стала ему мешать, а молча отправилась к озеру.

Яна подошла к самому краю берега и, опустившись на колени, зачерпнула ладонью воду. Холодная вода кусала и жгла её руку, и Яна отпустила её обратно. Стало тепло. Она подставила лицо ласковому майскому солнцу и зажмурилась. Так хорошо, пожалуй, не было никогда.

— Янка! — раздался голос Макса. — Иди помогать.

Девушка поднялась и поспешила к возлюбленному.

— Мясо скоро будет готово, — сказал он. — Давай тарелки доставай, овощи и что там у нас ещё.

Яна залезла в сумку, извлекла мамин плед, расстелила его на траве и принялась расставлять посуду, которую норовил унести расшалившийся ветер. Макс снял решётку с огня и аккуратно с помощью ножа отделил мясо от металла. Он потушил костёр и уселся рядом с девушкой.

— Ты совсем за мировыми тенденциями не следишь, а ещё журналист, — сказал он, отправляя в рот кружок огурца. — Сейчас идёт борьба за экологию, а ты посуду пластиковую купила.

— Что же, надо было мамин сервиз везти? — пыталась пошутить Яна.

— Зачем сервиз? В магазинах куча бумажной одноразовой посуды. И удобно, и экологично. Вот! — Он поднял пакет с соком и демонстративно потряс им.

Яна засмеялась.

— Что смешного? Я тебе дело говорю, — сказал Макс.

Потом она лежала, положив голову на его колени, а он гладил её непослушные, вечно торчащие в разные стороны короткие волосы. Мама одобряла Макса, она часто говорила, что за такого мужчину нужно держаться. И Яна сжимала его сильную руку в своей маленькой ладошке, боясь, что, если она ослабит хватку, этот волшебный день закончится.

Вечером в сумерках вернулись домой.

Макс сразу же отправился в душ, а Яна принялась разбирать вещи и включила телевизор для фона. Увиденное заставило её остановиться и замереть перед экраном. Танки давили безоружных женщин, не пускавших боевую технику в город. Раньше Яне казалось, что все войны, революции и майданы случаются где-то на другой планете. Теперь она видела, что всё это творится с людьми, которые говорят с ней на одном языке и живут совсем рядом. Политика всегда казалась ей назойливой дымовой завесой, которая мешает наслаждаться жизнью и создаёт множество проблем. Яна писала статьи о выставках, концертах, спектаклях — обо всём, что действительно её увлекало, а новостную ленту листала, как страницы скучного журнала.

Телеканалы смаковали кадры с горящим в Одессе Домом профсоюзов, с начинающимися вооружёнными столкновениями, с кричащими прямо в камеру людьми. Хрупкий, воздушный мир Яны получил серьёзную пробоину и полетел вниз, рискуя разбиться.

— Опять зомбоящик смотришь, — сказал Макс, выйдя из душа.

— Погляди, разве можно так с живыми людьми! — ответила Яна, едва сдерживая слёзы.

— Ты серьёзно веришь во всё, что показывают по телику? Ты же сама журналист, знаешь, как ваши дурят народ.

Макс взял пульт и выключил телевизор.

— Ну всё, успокойся! Ты такая впечатлительная, — сказал он и обнял девушку.

Яна вырвалась и спросила:

— Разве ты не понимаешь, что всё это реальность? Это же самый настоящий фашизм! Так не должно быть.

— Какое тебе дело до них? Сами разберутся. У нас же всё хорошо.

Он снова попытался обнять её, но она оттолкнула его.

Тем же вечером Яна собрала вещи и вернулась к маме. Та несколько дней убеждала её одуматься, помириться с Максом, но потом перестала. Макс две недели звонил и писал, но потом тоже перестал.

Что-то внутри Яны сломалось. Она читала новости и не понимала, где правда, а где ложь. Ей так хотелось докопаться до истины, узнать, что же происходит на самом деле. Однажды она переступила порог кабинета главного редактора с просьбой отправить её в командировку в Донбасс.

Главред удивлённо посмотрел на неё поверх очков.

— Ты же в отделе культуры работаешь, — сказал он, хотя по глазам читалось: “Совсем, что ли, сдурела?”

— Я хочу написать правду, — уверенно заявила Яна.

— А ты знаешь, что даже федералы отзывают своих военкоров? Там ведь и убить могут.

— Я знаю, — ответила Яна, стараясь не замечать ехидного тона главреда.
— Давай я тебя лучше в отпуск отправлю. Съездишь на море, развеешься, вся дурь из головы и вылетит.

— Это не дурь, — сказала девушка и направилась к двери.

— Ну, не могу я тебя туда отправить, идиотка! — чуть не кричал главред. — Что я делать буду, если тебя там подстрелят или убьют? Не дай бог, конечно... Ты как хочешь, а мне жизнь пока ещё дорога. И кресла этого, — он демонстративно похлопал по подлокотникам, — я лишиться не хочу.

— Тогда подпишите заявление на отпуск, — сказала Яна и вышла из кабинета.

Кто-то забарабанил в дверь. Марта вздрогнула и кинулась к глазку. На лестничной площадке маячила кудрявая голова. Девочка открыла и выглянула.

— Напугал, дурак! — сказала она. — Чего тебе, Гришка?

— Мамке на работе тушёнку дали, — выпалил подросток. — А дядя Толик картошки привёз из деревни. Пошли, сейчас такая вкуснотища будет!

— У меня бабушка одна. Мама за водой пошла.

— Ты же ненадолго. Им тоже возьмишь.

Последний раз Марта ела вчера, она привыкла есть мало и ничего не хотеть. Девочка взяла две алюминиевые миски, ложку и спустилась вниз.

На газоне подпрыгивал небольшой костерок. Рыжий юркий Толик ловко управлялся с огнём, подсовывая ему обрывки старой газеты. Над костром болтался котелок, в котором что-то кипело, источая немислимые ароматы.

— Марта! — крикнул Толик, заметив девочку. — У тебя луковицы нет?

— Нет, — ответила она.

— Жалко, а то такой бы супец получился. А у стариков нет, не знаешь? — спросил он у Гришки.

— Не-е-е, — протянул подросток. — Я им вчера продукты заносил, лука там не было.

— Надо будет им картошки принести. И вам тоже, — кинул Толик в сторону Марты. — А то у меня целый мешок. Куда нам с Веркой столько?

Толик помешал густое варево ложкой, зачерпнул, подул как следует и отправил в рот.

— Во! — Он поднял большой палец вверх. — Ещё бы хлеба...

Раздался глухой удар, и земля задрожала.

— В подвал! — скомандовал Гришка, схватил Марту за руку и потащил к дому.

Они заскочили в подвал, за ними последовал Толик. Марта зажала нос от резкого запаха плесени и канализации.

— Вот сволочи! — выругался Толик. — Время ведь выбрали, когда у людей обед. Сами пожрали и давай лупить.

— Воду привезли, — сказала Марта. — Они, наверно, по машине бьют.

— Не, — возразил Гришка. — Бьют наугад, без разбора.

Марта думала о маме. Где застал её внезапный обстрел? Успела ли она укрыться?

Девочка подошла к закрытому решёткой окну. Ей хотелось узнать, что происходит снаружи.

— Отойди, — строго сказал Толик. — А то как бабахнет — не соберём.

Но Марта не послушалась. Она встала на носочки и выглянула во двор.

— Тихо, — сказала она.

— Погоди, — сказал Гришка. — Это специально, чтобы выманить нас.

Они немного подождали и, наконец, решились покинуть убежище. На улице действительно было тихо, и только перевёрнутый котелок и разлившееся по земле варево напоминало об обстреле.

Толик поднял котелок и выругался:

— Сами пожрали, черти! Ну, ничего, я ещё долго жить собираюсь, я вас всех переживу! — Он погрозил кулаком неведомому врагу и повернулся к ребятам. — Верка придёт с работы, может, чё пожрать принесёт. Вы заходите.

Марта взяла пустые тарелки и отправилась домой. Она тихо вошла в квартиру и, увидев там маму, бросилась ей на шею.

— Отпусти, задушишь, — ласково сказала Ольга. — Как будто сто лет не виделись.

Марта с трудом согласилась отпустить её. Она смотрела на маму и хотела наглядеться на неё на сто лет вперёд.

Утром, пока домашние дремали после очередной бессонной ночи, Ольга собиралась на работу. Марта часто спрашивала, зачем она туда ходит: всё равно ведь зарплату не платят. Ольга и сама не знала ответа. Сначала казалось, что скоро всё кончится и жизнь пойдёт своим чередом. Потом стало понятно, что прежняя жизнь не вернётся, а будет ли новая, никто гарантировать не мог.

Ольга ходила в библиотеку, в которой работала уже без малого двадцать лет, скорее по привычке. Потому что каждое утро надо было куда-то идти, потому что жалко было книги, которые без присмотра растащат, жалко было тех редких читателей, которые остались в городе и ходили в библиотеку, как в намоленное место.

Как только началась война, пёстрый коллектив стал редеть. К середине августа из сорока человек остались двое: Ольга и Оксана — эффектная блондинка с зычным раскатистым голосом. Муж её, когда закрыли шахту, неделю беспробудно пил, а потом собрался и ушёл в ополчение. Детей отправили в деревню к бабке. Там тоже стреляли, но вода из колодца и продукты с огорода были всегда.

На прошлой неделе в библиотеке взрывной волной выбило стекло. Ольга с Оксаной натянули плёнку, чтобы хоть как-то прикрыть дыру, убрали все книги в хранилище и стали дежурить по очереди. И днём, и ночью. Женщины никогда не говорили об этом, но каждая молча верила в то, что когда-нибудь всё закончится. Когда-нибудь люди вернутся в город и придут в библиотеку за книгами, которые для них так беззаветно берегли.

Ольга подошла к библиотеке. У двери маячила растрёпанная бабушка в поношенном старомодном платье.

— Вы всё по прежнему расписанию ходите, — сказала Ольга.

— А что же делать? Меняться поздно уже, — ответила старушка.

Ольга постучала в дверь. Никто не отозвался. Она постучала настойчивее. За дверью послышался стук каблучков.

— Минута в минуту, — задорно произнесла Оксана, открывая дверь. — А вы, Анастасия Владимировна, привычек не меняете, — обратилась она к старушке. — В десять утра как штык.

— Я газетки свои почитаю, — сказала бабушка и направилась к полупустым стеллажам.

— Новых-то давно нет, а старые вы все читали.

— А я ещё раз прочитаю.

Оксана махнула рукой и подошла к Ольге.

— Ну, как там? — Она кивнула в сторону улицы.

— Пока спокойно, — ответила Ольга.

— А дома?

— Тоже. Мама меня беспокоит — есть отказывается. Ума не приложу, что с ней делать.

— Не переживай. Сегодня не хочет, завтра захочет.

— А тут как?

— Да что тут кому сделается. Вон наши пошли. — Оксана кивнула в сторону двери, в которую вошёл высокий худощавый парень.

— Д-дайте мне Пушкина, — прогнусавил он. — “Руслана и Людмилу”.

— Сейчас принесу. — Ольга улыбнулась и направилась в хранилище.

— Колесников, вы тоже своим привычкам не изменяете! — засмеялась Оксана.

На улице светило солнце, в зале сидели читатели, и только плёнка на окнах напоминала, что мир давно слетел со своей оси и понёсся безумным галопом в неизвестность.

Рейс из Москвы успешно приземлился в аэропорту Ростова-на-Дону. Яна достала с полки небольшой рюкзачок и вместе с потоком туристов проделала долгий путь по коридорам аэровокзала, чтобы встретиться с палящим южным солнцем. Не успела она выйти на улицу, как со всех сторон на неё накинудись таксисты.

— Девушка! Красивая, поехали в Таганрог! — кричали с одной стороны.

— Шахты, Новочеркасск! — несло с другой.

— Девушка, поехали на море! В любую точку домчу, глазом моргнуть не успеешь!

Яна подошла к парковке. Путь ей преградил толстый седой армянин:

— Куда тебе, красавица?

— В Луганск, — прошептала девушка, как будто сообщала секретную информацию.

— Зачем тебе? Все оттуда едут, а ты — туда, — полушёпотом ответил таксист.

— Надо, — настаивала Яна.

— Любимый, что ли, там у тебя?

— Нет, — смутилась она.

— До границы могу подбросить, а дальше сама, красавица.

Яна согласилась. Таксист внимательно смерил взглядом девушку: содрать — не содрать с московской дурочки две цены?.. Не содрал.

Два часа ехали под музыку из шипящей автомагнитолы и рассказы таксиста. Яна узнала, что у него две дочери и три внуки, что один зять занимается каким-то бизнесом, а другой сидит на шее тестя. Бесплезная информация заполняла голову девушки, вытесняя тревогу. Таксист что-то говорил о политике, о ценах на бензин, о местных новостях, но Яна только молча кивала. Города и посёлки, мелькающие за окном, жили обычной, беззаботной жизнью, как будто и не знали, что совсем рядом идёт война.

— Вон смотри, фуры с гуманитаркой. — Таксист показал на огромные белые грузовики, идущие колонной по правой полосе. — По телику про них каждый день крутят.

Яна проводила взглядом караван. Она попыталась сосчитать машины, но быстро сбилась.

Скоро дорога опустела, оказался пункт пограничного контроля. Такси остановилось.

— Ну всё, красавица, приехали, — сказал водитель. — Дальше сама.

Девушка расплатилась и вышла из машины.

— Удачной тебе дороги! — кинул напоследок таксист.

Яна осталась один на один с пугающим, но манящим миром. Готовясь к поездке, она внимательно шерстила форумы и собрала всю доступную информацию. Но теперь стало страшно. Как будто нужно было разбежаться и прыгнуть с большой высоты без страховки. Редкие автомобили проезжали мимо неё и останавливались перед шлагбаумом. Яна смотрела на них, не решаясь тронуться с места.

Маме она сказала, что летит в Ростов к друзьям на пару дней. Ростов и Ростов, что с него взять? Для убедительности даже положила в стоку бельё купальник. Потом, правда, убрала назад в шкаф. По дороге набросала пару СМС: “Приземлилась. Встретили. Всё хорошо” и “Мы за городом, связь не ловит”. Мама была рада, что Яна вырвется из Москвы, отдохнёт, может, даже с кем-то познакомится. Знала бы она, что вместо пляжа дочь будет стоять перед границей непризнанной республики...

Яна не раз проходила пограничный контроль, но такого ещё не видела. Кругом лежали мешки с песком и топорщились противотанковые ежи. Девушка подошла сначала к одной будке, потом ко второй. Везде задавали одни и те же вопросы: “Куда едете? Зачем?” Яна отвечала, что она журналист, едет в Луганск делать репортаж. Для убедительности прикладывала к стеклу удостоверение, боялась, что спросят командировочный лист. Не спросили. Она прошла мимо изрешечённого снарядами здания и вдруг поняла, что провалилась в кроличью нору и оказалась в Зазеркалье.

Яна шла по обочине, под её ногами хрустели металлические осколки. С каждым шагом страх нарастал, хотелось повернуть обратно, спрятаться и долго плакать. Ноги сами вели её вперёд осторожно, медленно. Она прислушивалась к каждому шороху: не выстрел ли. Нет. Только шум проезжающего транспорта. С российской стороны машин было мало, а вот в обратную сторону тянулся длинный хвост автомобилей.

— Эй, может, подбросить? — раздался мужской голос.

Яна повернула голову и увидела жёлтую “газель”. Круглолицый лысеющий мужчина с густыми чёрными усами высунулся в открытое окно:

— Так и пойдёшь пешком?

Яна сделала шаг назад. В Москве она бы никогда не села в незнакомую машину. А тут ей почему-то хотелось довериться этому улыбчивому незнакомцу. Но мешал страх. Она и сама толком не понимала, что так пугало. Но там, где идёт война, положено бояться.

— Не хочешь, как хочешь, — сказал мужчина и отвернулся от неё.

— Стойте! — пропищала Яна и бросилась к “газели”.

Мужчина открыл дверь и пропустил её. Яна залезла в машину и расположилась на сиденье между ним и водителем. Водитель, сухощавый и загорелый, надавил на газ, и машина поскакала по неровной дороге.

— Смотри, — кивнул круглолицый.

Яна машинально повернула голову влево и увидела сгоревший танк. И это всего в каких-то паре десятков метров от российской границы!

Разговорились. Оказалось, что Семён, круглолицый, из Ростовской области. Он произнёс название своего городка, но девушка не запомнила. Второй месяц Семён возил гуманитарку в Луганск и окрестности. Сначала сам покупал необходимое, собирал по родственникам, друзьям, передавал посылки. Когда количество нуждающихся достигло критической отметки, Семён организовал точки сбора помощи. Кто-то приносил детские вещи, кто-то — продукты, кто-то просто тащил то, что было жалко выкинуть, а кто-то проходил мимо, бросив: “Пусть им Украина помогает”.

Каждые выходные Семён мотался через границу на своей “газели” и в одной из поездок познакомился с Юрцом — местным водилой. Стали работать вместе. Семён пересекал границу, там его встречал Юрец, садился за руль и со знанием дела петлял по луганским дорогам. Каждый раз по разному.

Слева и справа тянулись бескрайние степи, слышались глухие раскаты орудий. Война была совсем близко, она пряталась за лесопосадкой, посёлком и терриконом, готовая в любой момент выпрыгнуть из своего укрытия и смети всех, кто окажется у неё на пути.

— Симку вынь, — предупредил Семён. — Они сигнал отслеживают.

Яна полезла в рюкзак и достала старенькую Nokia. Она распотрошила телефон и сложила запчасти обратно в рюкзак.

— Смотрите, блокпост, — сказал Юрец.

— Наши или не наши? — спросил Семён.

— Бог их знает. Всё равно тикать поздно.

Яна вытянула шею, пытаясь разглядеть перекрывших дорогу военных.

— Если спросят, скажи, к бабушке едешь. А если какая заваруха начнётся, беги в степь и не оглядывайся, — посоветовал Яне Семён.

Она послушно кивнула.

Подъехали к блокпосту. Юрец с Семёном вышли из машины, долго говорили с молодым парнем в военной форме, показали документы. Парень заглянул в кабину “газели” (на Яну даже не посмотрел), попросил открыть кузов, что-то высматривал, светил фонариком. Наконец мужчины вернулись в машину.

— Сейчас своих от чужих не отличишь, — сказал Семён, когда они миновали блокпост.

— Среди ополчей тоже всякие встречаются, — поддержал Юрец.

— Почему так долго смотрели? — спросила Яна.

— Оружие искали, — ответил Семен. — На нас же не написано, что мы гуманитарку детям везём. Всех проверяют. Хорошо хоть на “укропов” не нарвались. Ты не болтай лучше, что журналистка, а то костей не соберём.

Говорят, они специально по журналистам бьют, чтобы те всему миру не рассказали, что здесь творится.

— Да Бог знает шо творится! — сказал Юрец. — Стреляют по нам, как по проклятым. Ни жить, ни помереть спокойно не дают. У нас тут кум умер — сердце не выдержало. Мы с его зятем могилу роём, а тут обстрел. Ну, мы в могилку-то и прыгнули. Потом вылазим, а рядом осколки валяются. С того света кум спас. Воды в городе нет, света, газа, связи тоже...

— Как же вы живёте? — робко спросила Яна.

— Так и живём, — оскалился Юрец.

Дальше ехали молча и быстро. Нужно было успеть до комендантского часа. Чем ближе был город, тем громче становились взрывы.

— Вот гостиница, — сказал Юрец, останавливая машину.

Яна простилась с попутчиками и вышла из машины.

В гостинице было темно. Одинокая девушка, видимо, администратор, встретила Яну, записала при свете фонаря что-то в толстую тетрадь и отвела её в номер. Яна без сил упала на кровать. Хотелось закрыть глаза и очутиться где-нибудь далеко отсюда. Там, где нет войны.

Марта заглянула в комнату бабушки. Та спала. Девочка прикрыла дверь и отправилась к себе. Она стала осматривать книжные полки. Гоголь, Дюма, Достоевский — всё это она уже читала. Надо попросить маму принести что-нибудь новенькое с работы. Марта бы и сама с радостью побродила среди огромных железных стеллажей. Но мама не пускала, да и за бабушкой кто-то должен был присматривать.

Серенький, загёртый сборник Губанова. Когда-то мама серьёзно увлекалась стихами этого поэта. Увлечение прошло, а Марта осталась. “Марта — девочка затопленной Руси...” Стихотворение ей нравилось, а поэт — нет. Он был похож на отца, которого она никогда не видела. Но мама говорила, что похож.

Девочка поставила книгу на полку и подошла к окну. На улице щебетали и прыгали с ветки на ветку воробьи. Ещё весной Марта с одноклассниками, как эти беззаботные птицы, болтали и веселились. И ничто не предвещало беды.

Тогда же весной они ездили в Краснодар на экскурсию. Их водили по большому красивому музею, рассказывали про войну и молодогвардейцев. Казалось, что всё это так далеко и никогда не повторится. Повторилось. Как будто война спала все эти годы, а теперь её разбудили.

Марта услышала какой-то шум на лестничной клетке. Она подошла к двери и посмотрела в глазок. Никого. Приоткрыла дверь и выглянула. Снова никого. Вышла на площадку и увидела белую надпись на стене: “Марта, если тебе будет скучно или страшно, заходи”.

Она улыбнулась. Раньше бы Гришке влетело за “наскальную живопись”. Теперь этот древний способ связи оставался единственно возможным. На секунду Марта представила, что если огромная бомба попадёт в их дом и всё разрушит, то эта надпись непременно сохранится. Люди, которые будут разбирать завалы, увидят её и подумают: “А кто такая была эта Марта?” Вечная семиклассница со странным именем.

Девочка спустилась вниз и постучала в Гришкину дверь. Тишина. Постучала сильнее. Снова тишина. Марта развернулась и поднялась к себе. В подъезд кто-то вошёл. Она остановилась и посмотрела вниз. В пролёте маячила Гришкина голова.

— Смотри, что у меня есть! — Он поднял батон хлеба над головой, как знамя.

Марта спустилась. Она отломил кусок батона и поднесла к губам. Хлеб был тёплым и мягким и пах домом.

После обеда Оксана сменила Ольгу в библиотеке. Они обменялись двумя-тремя фразами, и Ольга поспешила домой. Столько всего нужно было успеть!

Дома её ждал настоящий сюрприз — кусок хлеба, который давно остыл, но всё ещё пах то ли закваской, то ли огнём. Последний раз Ольга ела хлеб

три недели назад или даже больше, разве вспомнишь. И не было теперь ничего вкуснее этого хлеба.

В детстве бабушка рассказывала ей, как во время войны стояла в длинных холодных очередях за хлебом. Как страшно было уснуть и пропустить свою очередь, как она боялась потерять карточки и однажды всё-таки потеряла. Тогда Ольге казалось, что всё это было давно и навсегда осталось в прошлом...

Ольга сварила картошку (спасибо Толику), растолкла её в ступке, чтобы не было комочков. Ещё бы молока добавить, да нет его. Она положила жиденькое пюре в тарелку и пошла к матери. Та открыла глаза, но посмотрела не на дочь, а в сторону. Ольга позвала её, и старушка медленно перевела взгляд на неё. Значит, слышит.

Ольга кормила её с ложечки, как маленького ребёнка. Одна, две, три ложки, дальше мать отворачивалась. Не хотела. Когда два года назад мать разбил инсульт, Ольга думала, что теперь им будет очень трудно. Нет, тогда было легко. Трудно стало потом.

Ольга отложила тарелку и взяла смоченный кусок ткани. Принялась протирать мать, как фарфоровую куклу, переворачивая то на один бок, то на другой, чтобы не было пролежней. Раньше спасали салфетки и мази, теперь их не достать.

— Хочешь пить?

Мать моргнула. Ольга пошла на кухню, принесла воды и аккуратно, по ложечке стала поить мать. Одну ложечку, две, три...

Вечером она снова отправилась в библиотеку на дежурство. Там было темно и тихо, а снаружи то близко, то далеко раздавались глухие взрывы. Стёкла плясали в оконных рамах, готовые в любой момент разлететься.

Послышался резкий стук. Ольга вздрогнула и осторожно подошла к окну посмотреть. Может, кому-то из читателей стало страшно дома, и он пришёл переждать обстрел в библиотеку. Такое бывало. Или припозднившийся, несмотря на комендантский час, прохожий решил попросить убежища. Такое тоже бывало.

Ольга посмотрела в окно. Никого. Видимо, ветер хулиганит. Стёкла дрожали при каждом новом ударе. Ольга не знала ни одной молитвы, но сейчас она просила всех святых, чтобы этой ночью её близкие остались живы.

Яна открыла глаза, не понимая, где находится. Потребовалась минута, чтобы сознание пришло в норму, и она вспомнила события прошедшего дня. За стеной послышались шаги и голоса. Яна поднялась с кровати, кое-как привела себя в порядок и вышла в коридор. Она хотела спуститься вниз, чтобы узнать последние новости, но на лестнице столкнулась с мужчиной. Сразу же узнала его. Бородатое, смуглое, кареглазое лицо военкора Артёма мелькало чуть ли не в каждом сюжете одного из федеральных телеканалов. Не успела открыть рот, как военкор сказал:

— Утром спальный район обстреляли. Хочешь, поехали со мной.

Яна бросилась в номер за рюкзаком. Через несколько минут на заднем сиденье старенькой “бэхи” она мчалась по пустым улицам города. Бритый водитель, явно из местных, разговаривал с Артёмом, активно жестикулируя. Девушка выхватывала из разговора знакомые слова: “лупят”, “грады”, “укропы”, “бандерлоги” — всё это перемежалось солидными порциями мата.

За окном мелькали изрешечённые дома, обуглившиеся магазины и киоски, покорёженные останки, пробитые дорожные знаки и сгоревшие автомобили. Яне казалось, что машина времени отбросила её на семьдесят лет назад, и только растяжка “С новым, 2014 годом!” возвращала в реальность.

Свернули во двор. Всюду валялись сломанные ветки деревьев, выбитые рамы и осколки стёкол, как после урагана. Подъехали к обуглившимся гаражам. Артём вышел из машины, Яна бросилась за ним. От увиденного она застыла на месте. Большой панельный дом был похож на пустыню пчелиные соты. Там и тут зияли дыры. Возле гаражей лежали под белыми простынями два человека, — видимо, мужчины, рядом с ними плакали две женщины, — видимо, жены.

Артём ходил по двору, что-то снимал на портативную камеру, разговаривал с жителями, собравшимися на улице. Яна так и не могла двинуться с места. Несмотря на жару, её била мелкая дрожь, как при простуде. Хотелось исчезнуть, раствориться в знойном воздухе, забыть всё увиденное...

— Чё стоишь? — сказал Артём. — Иди материал собирай, журналистка.

Яна заставила себя сдвинуться с места. Она огляделась и выбрала “жертву” — невысокую блондинку, которая одиноко стояла возле подъезда.

— Добрый день, я журналистка из Москвы, — сказала Яна. — Можно задать вам пару вопросов?

Женщина окинула её удивлённым взглядом, но согласилась. Яна достала диктофон.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Трофимова Ольга Николаевна. Сорок лет. Библиотекарь.

— Расскажите, что здесь произошло?

— Я на работе была. Соседи говорят, всю ночь стреляли. Утром вроде прекратили. Мужики выбежали пожар тушить — гараж загорелся. Тут их второй волной и накрыло...

— И часто стреляют?

— Каждый день.

— Со стороны Счастья бьют, — сказал проходящий мимо парень и показал рукой.

— Это такой город, — пояснила Ольга. — Там эти...

Женщина не закончила, но Яна и так всё поняла.

— А что вы можете рассказать о своей нынешней жизни? — допытывалась Яна.

— Что тут расскажешь? Скомкали нашу жизнь, как лист бумаги, и выбросили в корзину. Так мы в этой корзине и сидим. Пойдёмте, сами посмотрите!

Они поднялись по лестнице. Пока Ольга отпирала дверь, Яна рассматривала надпись на стене.

— Это дочке одноклассник написал, — пояснила Ольга. — Дети не балуются, просто другого способа связи нет.

Яне вдруг захотелось, чтобы и ей кто-нибудь тоже оставил такое послание. Ещё она подумала, что когда-нибудь война закончится, и в этом подъезде затеют ремонт. И надпись скроется под толстым слоем краски.

Они вошли в квартиру. Слегка потускневшие, но ещё вполне приличные обои в цветочек, посуда и мебель почти такие же, как дома у Яны.

— Стекло лопнуло, того и гляди вывалится. — Ольга показала длинную трещину от одного края рамы до другого.

В коридоре мелькнула фигура девочки-подростка — худенькой, белокурой. На полголовы выше мамы и так на неё похожа... Девочка поздоровалась с гостьей и скрылась в комнате.

— Простите, что ничего не предлагаю. Самим есть нечего, — виновато сказала Ольга.

— Как же вы живёте в таких условиях? — прозвучал давно витавший в воздухе вопрос.

Ольга пожала плечами.

— В любых условиях можно выжить, как оказалось. Каждый крутится, что-то придумывает. Говорят, Россия нас не бросит, пришлёт помощь...

— Я же видела грузовики с гуманитаркой! — оживилась Яна. — Они уже на границе, ещё пару дней и придут.

Ольга неуверенно кивнула.

Яна так часто брала интервью у художников, актёров, музыкантов, они говорили о всяких глупостях, которые тогда казались ей важными. Теперь она столкнулась с реальной жизнью — некрасивой, вывернутой наизнанку, изломанной — и не знала, что ещё спросить. Она ехала сюда, чтобы понять, где правда. Но поняла одно: пока на картах мира политики двигали флажки и рисовали границы, маленькие люди в маленьких домах пытались пережить войну.

Ночью стены вздрагивали при каждом новом ударе. Дому тоже было страшно. Он бы тоже хотел спрятаться в подвале вместе с людьми. Марта в подвал не пошла, не захотела бросать бабушку. Всю ночь девочка просидела в дверном проёме. В школе учили, что там самое безопасное место. Кто бы мог подумать, что это знание однажды пригодится.

Утром наступило недолгое затишье, а потом всё повторилось.

Марта видела в окно, как горел гараж и как Толик с соседом из крайнего подъезда бросились его тушить. Когда девочка в следующий раз подошла к окну, двое мужчин уже лежали на земле под белыми простынями.

Ещё недавно Толик собирался жить долго, а теперь лежал неподвижно. Рядом плакала Вера, долго, надрывно. Марта посмотрела на синее безоблачное небо. Если там, наверху, и есть Бог, то он, видимо, заткнул уши, чтобы не слышать этого плача.

Пришла мама. Она быстро обняла Марту и поспешила обратно во двор, чтобы помочь Вере. Потом мама вернулась вместе с журналисткой из Москвы. Та была похожа на испуганного воробья. Она ходила по квартире и внимательно всё осматривала, как будто здесь было что-то интересное. Потом пришел ещё один журналист — с густой неряшливой бородой и видеокамерой. Странные эти журналисты: пишут, снимают, как будто могут что-то изменить...

— Что ты делаешь? — спросила журналистка, заглянув в комнату Марты.

— Ничего, — ответила та.

Журналистка робко вошла.

— У тебя столько книг... Ты их все читала? — Она окинула взглядом книжные полки.

— Да, — ответила Марта и подошла к Яне. — А у вас дома много книг?

— Нет, — честно ответила девушка. — Раньше много было, потом почти все раздали. Я сейчас с айфона читаю.

— А я не люблю с экрана читать, мне больше нравятся бумажные книги.

— Мне тоже, — Яна улыбнулась и отошла от полок.

— Только к окну не подходите! — предупредила Марта. — Это опасно. Яна остановилась возле письменного стола.

— Ты что, уроки делаешь? — спросила она, разглядывая учебники.

— Нет, это за прошлый год. Надо их убрать куда-нибудь или сжечь, всё равно не нужны.

— И тебе не жалко?

— Нет. По ним ведь никто учиться уже не будет.

— Почему? — удивилась журналистка.

— Никого не осталось. Уехали все и не вернуться, пока война не закончится... А вы знаете, когда всё закончится?

— Нет.

— А я думала, что в Москве знают.

— А я думала, что здесь узнаю.

Марта смотрела на хрупкую девушку — журналистка была ниже её ростом — и думала, что только безумие могло привести её в город, охваченный войной.

После ухода российских журналистов Ольга открыла кладовку. Осталась последняя банка рыбных консервов, полпачки “рожек”, горсть гречки, штук десять картофелин и бутылка растительного масла. Как бы ни было горько и гадко на душе, нужно было что-то готовить. Если журналисты не ввали, что скоро в город придут фуры с гуманитаркой, то оставалось протянуть на этих запасах пару дней.

С горем пополам Ольга приготовила завтрак. Кусок в горло не лез, но приходилось есть. Разделили с Мартой водянистую кашу. Мама есть отказалась, только губы дала смочить. После обеда Ольга сбегала в библиотеку, подменила Оксану, а когда вернулась домой, увидела пакет с продуктами и бутылку воды. Марта сказала, что их привезли журналисты.

Ольга разобрала пакет. Чего там только не было: консервы, хлеб, мука, даже бутылка молока! Где только всё это взяли, непонятно. Половину Ольга сложила в кладовку, остальное велела дочери отнести старикам Никоненко. Но оказалось, журналисты привезли им такой же гостинец. Старики плакали, поверить не могли, что чужие люди заботились о них. Ольга тоже плакала. Единственное, что придавало ей сил все эти месяцы, так это сознание, что она нужна матери, дочери, читателям библиотеки, соседям. А теперь получалось, что и о ней кто-то подумал. Не хотела ведь общаться с журналистами — опасалась их назойливости, — а они оказались нормальными. Стало стыдно. Подумала, что нужно будет отблагодарить при случае. Только бы повод был не такой, как сегодня.

Ночью опять стреляли. Не по их кварталу — по соседнему. Ольга с Мартой спали в коридоре. Ну, как спали... Скорее дремали в редкие минуты затишья. Хотелось, чтобы наконец настало утро и всё прекратилось.

Алый рассвет растекался по горизонту, а выстрелы не стихали.

Ольга встала и пошла в комнату матери. Старушка лежала с открытыми глазами и не моргала. Ольга позвала мать, но та не отозвалась. Пощупала пульс. Мать умерла. Горевать не было ни сил, ни времени. Нужно думать о похоронах. Больницы едва успевали принимать раненых, морги не работали, кладбища тоже. Денег не было. Потерпеть бы матери, пока всё наладится, пожить бы ещё... Ольга ругала себя за такие мысли, но ничего не могла с ними сделать.

Соседка с первого этажа пообещала оформить нужные бумаги у себя в больнице, советовала хоронить быстрее, а то жара на улице. Ольга и сама это понимала. Нужна была машина, могильщики, о каких-то других похоронных атрибутах речь уже и не шла.

Послала дочь в библиотеку предупредить Оксану, чтобы та не ждала. Пока Марты не было, опять приехали журналисты. Ольга набралась смелости и обратилась к ним за помощью. В любое другое время просить бы не стала, но теперь было не до гордости.

Бородатый кивнул и куда-то уехал. Через час вернулся. Вынули с водителем из машины гроб: грубый, нелаченный, пахнущий свежим деревом.

Дочь вернулась, когда заколоченный гроб грузили в машину. Мужчины поехали вперёд, а Ольга с Мартой и московской журналисткой отправились следом на автобусе, ещё Гриша с ними увязался. На кладбище все встретились. Могилу решили копать на окраине, у дороги, чтобы легче было потом найти. Достали из машины лопату. Копали по очереди: то бородатый, то водитель, то Гриша. Сухая, закаменевшая земля не поддавалась, приходилось её долбить лопатой, словно ломом. По лицам и рукам мужчин текли струи пота, рядом кружили слепни, так и норовя присосаться.

Могилу выкопали неглубокую, насколько хватило сил, опустили туда гроб и засыпали землёй. Водитель убрал лопату и достал из машины бутылку водки, хлеб и банку тушёнки. Со словами: “Шо мы, не православные?” — он налил водки бородатому, Ольге и журналистке. Все выпили по глотку, больше не лезло. Молоденькая москвичка зажмурилась, но выпила, а потом жадно вцепилась в кусок хлеба. Поминали молча. Все были родными, и всех хотелось обнять.

Тишину нарушил раздавшийся вдалеке грохот орудий.

— Ну, началось... — процедил водитель и добавил крепкое слово.

Может, и не было никогда нормальной жизни. Может, Ольге эта жизнь только снилась. И не было у войны ни конца, ни начала, ни спасения живым и мёртвым.

Сначала Яне Артём не понравился. Он казался ей грубым, циничным и злым. Видимо, сказывались постоянные командировки в горячие точки. Потом она стала привыкать и поняла, что, несмотря на все недостатки военкора, с ним не пропадёшь. Он прекрасно знал город, как будто провёл там большую часть жизни. Умел в нужный момент находить нужных людей. Но главное — с ним было нестрашно.

После съёмки первого репортажа Артём повёз Яну в центр города. По дороге спросил, когда она последний раз ела. Девушка неуверенно ответила,

что, кажется, это было вчера. Машина остановилась возле продуктового магазина, и Яна с Артёмом вошли внутрь, где на полках лежал разномастный товар с написанными от руки ценниками. Принимали любую валюту: рубли, гривны, доллары. Яна набрала два пакета продуктов.

— Зачем тебе столько? — спросил Артем.

— Я хочу отвезти той женщине, у которой больная мама, — ответила девушка.

Яна подумала, сейчас он скажет: “В городе столько людей, всем не можешь”. Но Артём понимающе кивнул и помог донести пакеты до машины.

По дороге Яна что-то пожевала, только чтобы военкор отстал. Аппетита не было, зато всё время хотелось пить. Солнце безжалостно жгло, как будто стало заодно с теми, кто лишил город воды.

После обеда Артём с водителем уmacherились на позиции. Яну с собой не взяли, высадили её возле гостиницы и велели сидеть в номере. Вдалеке раздавались выстрелы, которые стали таким же привычным явлением, как солнце, ветер или смена времён года.

Яна больше не боялась: поняла, что бессмысленно. Бойся — не бойся, а от войны, как и от себя, не убежишь. Она прислушивалась к каждому шороху в коридоре, но там было тихо, как будто во всей гостинице жила она одна.

Ближе к ночи послышались знакомые быстрые шаги. Яна выскочила в коридор и столкнулась с Артёмом.

— Чего ты? — спросил он.

— Ничего, — смутилась Яна. — Просто хотела убедиться, что с тобой всё в порядке.

— Нормально всё, — уже мягче сказал Артём. — Ложись спать, завтра будет тяжёлый день.

Военкор не обманул. Следующий день был тяжёлым. С утра поехали в обстрелянный район. И снова разбитые дома, слёзы, кровь. И снова всех жалко. И ничего нельзя изменить.

После репортажа Яна попросила Артёма заглянуть к Ольге. Она не могла объяснить, почему её тревожит судьба этой женщины, но упрямо убеждала Артёма, что заехать туда нужно. После недолгих уговоров он сдался, и они поехали — “на пять минут, не больше”.

Оказалось, их ждали. Может, не конкретно их, а любого, способного помочь. Артём с водителем быстро куда-то уехали, но так же быстро вернулись. Яна украдкой подошла к водителю и спросила, где они взяли гроб.

— Да это деда моего, — нехотя ответил тот. — Он для себя держал, а я ему сказал, чтоб не помирал, пока вся эта байда не кончится.

Яна решила больше ни о чём не спрашивать. На кладбище ехали молча. Хоронили и поминали тоже молча. И так всё понятно. Впервые Яне пришлось выпить водки. Не хотелось, но и отказаться было нельзя. Водка жгла горло и не давала вздохнуть. На жаре Яну мутило, но признаться в этом она боялась: не до неё сейчас всем.

— Спасибо вам, — наконец сказала Ольга. — Не знаю, что бы я одна делала.

— Ладно, не чужие, — махнул рукой водитель.

— Нам ехать надо, — сказал Артем. — Вы сами домой доберётесь?

— Конечно, — ответила Ольга. — Можем и девушку с собой взять. — Она кивнула в сторону бледной Яны.

Только войдя в квартиру Ольги и выпив воды, Яна стала приходить в себя.

— Вы, наверно, не ели ничего, — предположила Ольга.

— Ела, — соврала Яна.

Ольга всё равно сунула ей холодную кашу, которую Яна уплела с удовольствием.

— Что вы теперь будете делать? — спросила девушка, расправившись с едой.

— Что делать? Жить будем, как до этого жили, — ответила Ольга.

— Но вы же теперь можете уехать. Вас больше ничто не держит.

— Некуда нам ехать. И не нужны мы никому там. — Ольга неопределённо махнула рукой. — Здесь дом. Опять же за могилкой нужно смотреть...

— А как же война?

— Война когда-нибудь закончится. Не век же воевать.

Яна внимательно смотрела на усталую женщину, но так и не могла понять, что за сила помогала той вынести все испытания.

— А вы когда назад поедете? — спросила возникшая на пороге кухни Марта.

— У меня завтра утром самолёт, — ответила Яна, немало удивившись тому, как быстро пролетело время.

— Да, вам надо ехать, — сказала Ольга отстранённо. — Кто знает, что дальше будет.

На улице просигналил автомобиль.

— Это за вами, — сказала Марта, выглянув в окно.

Яне хотелось на прощание сказать что-нибудь важное, но вместо этого она выдавила дежурное:

— Берегите себя.

— Вы тоже, — ответила Ольга.

Яна окинула взглядом квартиру, подъезд с неряшливой белой надписью и вышла во двор. Ей хотелось, чтобы память запечатлела всё это, как киноплёнка.

— Подождите! — раздался голос Марты.

Яна обернулась. Девочка подошла к ней.

— Вы же напишете правду, как всё было? — спросила она.

— Конечно, — ответила девушка.

— Тогда держите. — Марта протянула ей блокнот.

— Что это? — спросила Яна, принимая дар.

— Сами всё увидите, — ответила Марта. — Доброй вам дороги! — Она махнула рукой и скрылась в подъезде.

Яна сунула блокнот в рюкзак и поспешила в машину.

Доехали до гостиницы. Теперь настало время прощаться с военкором.

— Может, в Москве встретимся, когда приеду на побывку? — предложил Артём напоследок.

Яна согласилась. Она на миг представила, как этот пропахший порохом человек впишется в столичную жизнь. От этой мысли стало смешно, и она улыбнулась. Артём тоже улыбнулся какой-то неуверенной улыбкой подростка.

На горизонте показалась жёлтая “газель”.

— Эй, мы девушку с собой забираем! — крикнул, высунувшись из окна, Семён.

Яна бросилась к своим попутчикам, как к добрым друзьям.

Вскоре позади остались военкор, гостиница и обстрелянные кварталы. В сумерках “газель”, как заплутавший светлячок, мчалась в сторону границы.

— Смотри, что там? — спросил Юрец, глядя в опускающуюся темноту.

— Колонна идёт, — ответил Семён. — Надеюсь, наши.

Яна тоже глядя вала, сжимая холодными пальцами рюкзак. Что-то большое и светлое двигалось навстречу.

— Это же фуры, — наконец, догадалась она. — Ну те, с гуманитаркой. Я их видела, когда сюда ехала.

— Похожи, — помедлив, согласился Юрец.

“Газель” поравнялась с фурами, которые, словно корабельная эскадра, двигались в сторону города. Яна провожала взглядом грузовики и не могла сдержать слёз. Теперь она знала, что помощь близко и что горожане её обязательно получат.

Она полезла в рюкзак за платком, чтобы вытереть некстати выступившие слёзы, но наткнулась на блокнот, который дала ей Марта. Открыла его: на белоснежных листах убористым почерком были описаны события, произошедшие с девочкой в последние месяцы. Яна пролистала дневник. На последней странице её ждал вставший на дыбы единорог.

Где-то позади грохотала и ревела война, а впереди лежали бесконечные степи. Единорог мчался по диким и вольным равнинам, не зная страха и смерти. Совсем скоро он будет далеко-далеко. Там, где нет войны.